

ВАЖНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЯ

СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 42).

1890.

1700
257M

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кто изъ читателей не знаетъ слова *китаизмъ*? Въ чьемъ умѣ слово это по ассоціаціи идей не вызываетъ мысли о косности, застоѣ, неподвижности? Убѣжденіе въ томъ, что Китай есть историческая окаменѣлость, навязывается намъ еще на школьной скамейкѣ; съ этимъ убѣжденіемъ мы вступаемъ въ жизнь и въ немъ укрѣпляемся путемъ чтенія книгъ, путемъ разговоровъ съ людьми, насъ окружающими. Формулу *Китай—царство застоя* всякій принимаетъ какъ неоспоримую, почти аксіомальную истину; на этой формулѣ обосновываются приговоры, составляемые въ обществѣ относительно всѣхъ частностей жизни обитателей Небесной имперіи.

Слова *китаизмъ—застой* у всѣхъ на устахъ. Но если спросить, почему Китай считается царствомъ застоя и въ какомъ смыслѣ долженъ пониматься самый застой, то едва-ли мы получимъ отвѣты сколько-нибудь ясные, сколько-нибудь точные и удовлетворительные,—это потому, что убѣжденіе въ косности Китая почти у всѣхъ слагается на основѣ не собственныхъ выводовъ, а подражательности, обусловленной въ свою очередь либо полнѣйшимъ незнакомствомъ съ Небесною имперією, либо узостью и рутинизмомъ мысли, либо, наконецъ, слѣпымъ доверіемъ къ словамъ нѣкоторыхъ ученыхъ, списавшихъ извѣстность своимъ спеціальнымъ трудамъ въ области синологіи.

Въ наше время, когда въ обществѣ циркулируетъ слишкомъ много исторій цивилизаціи, культуры, прогресса и когда теоріи, касающіяся прошлыхъ или будущихъ судебъ человѣ-

чества, являются болѣе нежели прежде направляющими воззрѣнія и руководящими дѣятельностью передовыхъ людей, нельзя особенно не желать, чтобы интеллигентное общество имѣло достаточную по объему данныхъ возможность критически относиться къ этимъ теоріямъ и опредѣлять, насколько онѣ основательны по широтѣ своего фундамента и насколько чужды пристрастія по своему направленію.

Въ виду того, что съ одной стороны слова *китаизмъ* и *застой* до сихъ поръ принимаются интеллигентнымъ обществомъ за слова синонимическія всего чаще по традиціи и рутинѣ, а съ другой—Небесная имперія, съ ея громадною территоріею и многомилліоннымъ населеніемъ, продолжаетъ существовать, постепенно приобрѣтая все болѣе и болѣе вѣдѣніе-политическій вѣсъ, мы сочли полезнымъ, какъ для расширенія основъ отвлеченно понимаемой соціальной науки, такъ и для пособія лицамъ, сообразующимся съ выводами послѣдней въ своей практической дѣятельности, подвергнуть критикѣ формулу *китаизмъ есть застой* и выяснить, что при ближайшемъ разсмотрѣніи должно въ дѣйствительности разумѣться подъ *китаизмомъ*, уничижаемымъ панегиристами столь любезнаго намъ европеизма, и какъ должны относиться къ Среднему Царству мы, европейцы вообще и русскіе въ особенности.

ГЛАВА I.

Считаться образованнымъ человекомъ и не знать такъ называемой всеобщей исторіи нельзя; но считаться образованнымъ человекомъ и не имѣть ни малѣйшаго понятія объ исторіи Китая весьма возможно. Много-ли говорятъ такъ называемыя всеобщія исторіи о минувшихъ судьбахъ Небесной имперіи? Ничего или почти ничего. Георгъ Веберъ въ своемъ довольно обширномъ „Курсѣ всеобщей исторіи“ излагаетъ исторію Китая (существующаго, заминъ, около 4000 лѣтъ) въ 20 строкахъ ¹⁾, а въ своей многотомной „Всеобщей исторіи“ посвящаетъ исторіи китайцевъ не болѣе 5 страницъ ²⁾. Ф. Шюссеръ въ своей многотомной „Всемирной исторіи“ очерчиваетъ минувшія судьбы Небесной имперіи не болѣе какъ на 7 страницахъ ³⁾. Что касается школьныхъ историческихъ учебниковъ, то они являются сокращеніями пространныхъ такъ называемыхъ всеобщихъ исторій и, сообразуясь съ этими послѣдними, отводятъ въ себѣ самое незначительное мѣсто очерку исторіи китайцевъ. Не имѣя нужды вдаваться въ подробности и поименовывать многіе учебники, укажемъ только на „Краткую справочную учебную энциклопедію“,

¹⁾ См. Курсъ всеобщей исторіи. Доктора Георга Вебера, профессора въ Гейдельбергѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Томъ I-й. Москва. 1859. Стр. 67, 68.

²⁾ См. Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ первый. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1886. Стр. 40—45. Напомнимъ при этомъ читателямъ, что въ первомъ томѣ указанного труда заключается 834 страницы и что въ 1890 г. изданъ въ свѣтъ русскій переводъ двѣнадцатаго тома.

³⁾ См. Всемирная исторія Ф. Шюссера. Изданіе второе. 1867. Томъ I-й, стр. 6—12.

составленную для того, чтобы воспитанники и воспитанницы всякаго рода средних школ могли предъ экзаменами, не затрачивая большого количества времени, возобновлять въ своей памяти по конспекту курсъ всеобщей исторіи, пройденный въ теченіе года по тону или другому принятому учебному руководству. Въ этой „Энциклопедіи“, заключающей въ себѣ 309 страницъ, исторія китайцевъ резюмируется (сильно сказать!) въ 4 строкахъ ¹⁾. Четыре строки при 309 страницахъ,—это значитъ почти то же самое, что ничего не говорить объ исторіи Китая. Впрочемъ, нѣкоторые авторы руководствъ къ такъ называемой всеобщей исторіи, дѣйствительно, ничего и не говорятъ о минувшихъ судьбахъ Небесной имперіи. Г. Иловайскій, напр., введеніе къ одному изъ многочисленныхъ изданій своего весьма распространеннаго въ Россіи „Руководства ко всеобщей исторіи“ начинается словами: „исторія занимается собственно народами кавказскаго поколѣнія: одаренные превосходными духовными силами сравнительно съ другими народами, они одни достигли высшихъ степеней цивилизаціи“ ²⁾, и, сдѣлавъ такую оговорку, не находитъ нужнымъ удѣлять въ своей книгѣ разсказу о минувшей жизни народа китайскаго ни одной страницы. Подобный же образъ проходитъ Китай молчаніемъ и въ большей части очерковъ развитія культуры историческихъ народовъ, даже такихъ очерковъ, которые (напр. *Histoire de la civilisation, par Seignobos*. 1887) издаются на пользу юношества и педагоговъ и должны служить (въ чемъ мы не сомнѣваемся) имѣть значительную распространенность въ Россіи.

Почему же въ такъ называемыхъ всеобщихъ исторіяхъ ничего или почти ничего не говорится о томъ, что совершалось въ Китаѣ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ? Быть можетъ, потому, что у китайцевъ нѣтъ исторіографіи и европейскіе историки лишены возможности знать минувшія судьбы народа китайскаго? Нѣтъ, не поэтому,—у китай-

¹⁾ См. Краткая справочная учебная энциклопедія. Часть вторая. Всеобщая исторія. Древняя, Среднихъ вѣковъ, Новая и Русская. Сиб. Изданіе Картографическаго заведенія А. Ильина. 1883. Стр. 7 и 8 (въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „Краткій повторительный курсъ древней исторіи“).

²⁾ См. Руководство ко всеобщей исторіи. Составилъ Д. Иловайскій. Часть первая. Древній міръ. Изданіе двѣнадцатое. Стр. 3.

цевъ есть историографія, историографія обширная и многообразная. Чтобы убѣдить читателей въ неоголословности нашего заявленія, достаточно указать только главнѣйшіе источники по исторіи китайцевъ на ихъ собственномъ языкѣ ¹⁾). Быть можетъ, китайскіе источники недоступны европейскимъ историкамъ и подъ руками этихъ послѣднихъ нѣтъ исторій Небесной имперіи, написанныхъ на томъ или другомъ изъ языковъ европейскихъ? Исторія Китая есть и на французскомъ, и на англійскомъ, и на нѣмецкомъ, и на русскомъ языкахъ ²⁾).

При существованіи достаточнаго количества источниковъ по исторіи китайцевъ на ихъ собственномъ языкѣ и на языкахъ европейскихъ, должны же все-таки быть какія-либо причины, обуславливающія невниманіе авторовъ такъ называемыхъ всеобщихъ исторій къ минувшимъ судьбамъ народа китайскаго. Эти причины, дѣйствительно, существуютъ, и мы думаемъ, что главнѣйшихъ изъ нихъ три.

Во-первыхъ. Авторы такъ называемыхъ всеобщихъ исторій явились и являются европейцами, — Европа такимъ образомъ есть территоріальный центръ всеобщей исторіи. Понятіе объ этой послѣдней вырабатывалось постепенно на основѣ тѣхъ политическихъ и частью этнографическихъ обобщеній, къ которымъ приводили распространение эллинизма, расширеніе предѣловъ Римской имперіи, объединеніе народовъ христіанскою религіею. Зародившись и получая развитіе на почвѣ Европы, такъ называемая всеобщая исторія никогда не была въ буквальномъ смыслѣ слова всеобщаю, т. е. исторіею не только всѣхъ, но хотя бы всѣхъ „историческихъ“ народовъ земнаго шара, — она всегда оставалась исторіею европейцевъ и тѣхъ народностей, отъ которыхъ европейцы получили большую или меньшую долю культурнаго наслѣдія (египтяне, ассиро-вавилоняне, финикійцы и др.) или которыми были тревожимы въ длинномъ рядѣ вѣковъ своей исторической жизни (персы, арабы, монголы, турки и др.). Вотъ почему самобытная исторія, напр., мексиканцевъ и перуанцевъ не входитъ въ составъ такъ называемыхъ всеобщихъ

¹⁾ См. приложеній № 1.

²⁾ См. приложеній № 2.

исторій. Что касается Китая, то въ теченіи тысячелѣтій онъ не имѣлъ дѣла съ народами Европы, и потому историки послѣдней по нимъ поводовъ интересоваться его исторіею. Если бы Китай въ извѣстныя періоды своей исторической жизни не сталкивался съ аріями Туранской низменности, турками, арабами и монголами, то европейскіе историки совершенно и не упоминали бы о немъ, но крайней мѣрѣ до той поры, когда пронагаторы католичества впервые ступили на почву Средняго царства. Послѣ всего нами сказаннаго вполнѣ понятно, почему „исторія“, какъ говоритъ г. Иловайскій, „занимается собственно народами кавказскаго поколѣнія“; вполнѣ понятна и основа словъ г. Вебера: „Китайцы по природѣ своей вовсе не способны ввести насъ въ ту историческую жизнь, въ которой сами они не принимали участія; тѣмъ не менѣе, имъ справедливо даютъ мѣсто при самомъ входѣ въ исторію, во-первыхъ, потому, что, говоря въ общемъ смыслѣ, развитіе рода человеческого слѣдовало суточному движенію солнца и такимъ образомъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что народы крайняго Востока всѣхъ ранѣе вышли изъ состоянія полудикой естественности, а во-вторыхъ, потому, что китайцевъ, благодаря типическому ихъ характеру и неподвижному образованію, нельзя пристроить къ общему ходу всемірной исторіи. Они стоятъ въ преддверіи къ ней и, послѣ краткаго разсмотрѣнія ихъ основныхъ чертъ, оставляются уже въ сторонѣ, какъ непричастные общечеловѣческому дѣлу“¹⁾).

Во-вторыхъ. Если китайцевъ нельзя пристроить къ общему ходу всемірной исторіи, то нельзя-ли отвести имъ особое въ ней болѣе приличное мѣсто и обстоятельно разсматривать минувшія судьбы народа китайскаго безъ связи съ судьбами европейскіхъ народовъ? Было бы возможно, если бы китайская исторія сама по себѣ представлялась интересною. Но интереса-то въ ней и не находятъ авторы такъ называемыхъ всеобщихъ исторій. „Китайскія лѣтописи“, говоритъ г. Веберъ, „и по наступленіи вѣковъ достовѣрной исторіи представляютъ плохой матеріалъ: сухое перечисленіе внѣшнихъ событій, утомительно однообразныхъ, извѣстія о бунтахъ, перекѣнахъ династій и о злодѣяствахъ, совершавшихся при дворѣ, не ожива-

¹⁾ Курсъ всеобщей исторіи. Томъ первый. 1859. Стр. 67.

ляются ни поэзією, ни народными тонами, не соგრѣваются никакимиъ человеческимиъ чувствами. Тянутся ряды именъ, и маловажныя придворныя происшествія составляютъ лѣтописи націй. Въ заморской рѣкѣ китайскихъ лѣтописей не отражается народное развитіе, истинно-историческая жизнь, потому что ничего этого не было и въ дѣйствительности. Взглядъ лѣтописцевъ обращается не съ надеждою къ будущему, а съ нечашью къ прекрасному прошедшему, объ унадеѣ и гибели котораго они непрерывно скорбятъ; колебанія правильного хода народной жизни грѣхомъ и порокомъ народа, произволомъ отдѣльныхъ людей, составляютъ главное содержаніе историческаго разсказа, который поэтому проникнутъ рѣзкими тонами жалобъ“ ¹⁾. Но по какимъ источникамъ г. Веберъ ознакомился съ характеромъ китайской исторіографіи? Конечно, не по китайскимъ, такъ какъ не зналъ китайскаго языка. По какимъ же? По книгамъ европейскимъ, въ которыхъ неложена исторія Китая. Но, вѣдь, авторы этихъ книгъ могли не стоять на высотѣ научныхъ требованій; могли неумѣло воспользоваться доступными имъ матеріалами; могли забывать, что официальная китайская исторіографія, по спеціальнымъ причинамъ, окрашивается особыми характеромъ; могли, наконецъ, одну, самую неприглядную, сторону предмета выдавать за весь предметъ (а что китайская исторіографія и обширна, и многообразна, объ этомъ было уже сказано нами выше). Что синологи иногда сами отпугиваютъ авторовъ такъ называемыхъ всеобщихъ исторій отъ интереса къ минувшимъ судьбамъ народа китайскаго, тому мы ниѣмъ не мало прииѣровъ (указывать послѣдніе въ настоящемъ случаѣ не представляется надобности).

Въ-третьихъ. Сухость китайской исторіографіи, даже если бы эта послѣдняя вся окрашивалась одинаковымъ характеромъ, сама по себѣ не даетъ еще авторамъ такъ называемыхъ всеобщихъ исторій права игнорировать минувшія судьбы народа китайскаго, — вѣдь, подъ покровомъ сухаго изложенія можетъ скрываться картина жизни, полной энергіи, полной такихъ стремленій, которые легко не только объяснить, но до нѣкоторой степени и оправдать и

¹⁾ Всеобщая исторія. Томъ первый. 1895. Стр. 43, 44.

династическія перевороты, и придворные ужасы ¹⁾). Все діло въ томъ, рисуется-ли китайская исторіографія исторію жизни китайцевъ (понимаемую какъ постоянную непрерывную обстоятельство, при сознательной цѣлесообразности дѣятелей) или же только ихъ бытъ въ тѣ или другіе періоды времени. Иными словами, прогрессивна была жизнь китайцевъ или нѣтъ? При утвердительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, исторія Китая должна занимать видное мѣсто въ такъ называемыхъ всеобщихъ исторіяхъ; при отвѣтѣ отрицательномъ, слѣдуетъ признать, что и Веберъ, и Шлюссеръ поступаютъ вполне справедливо, когда только вскользь говорятъ о китайскомъ народѣ, прожившемъ сорокъ вѣковъ. Кто же можетъ и долженъ первѣе всего рѣшить этотъ вопросъ? Конечно, синологи-специалисты. Если имъ принять во вниманіе, чт., съ одной стороны, среди послѣднихъ не было ни одного, который доказательно и категорически выразилъ бы прогрессивность жизни китайцевъ, а съ другой—эта прогрессивность (при тѣхъ или другихъ намекахъ на нее) не могла приходиться особенно по вкусу историкамъ Европы, то для насъ станеть понятнымъ, почему авторы такъ называемыхъ всеобщихъ исторій охотиѣ слѣдовали тѣмъ синологамъ, которыми проводилась мысль о застоѣ, неподвижности народа китайскаго. А синологи второй категоріи и были, и теперь есть ²⁾). Заявленіе нѣкоторыхъ синологовъ, что Китай есть историческая окаменѣлость, пришлось по вкусу европейцамъ вообще, такъ какъ отсутствіе конкуренціи льстило ихъ самолюбію, и европейскимъ философамъ въ особенности, такъ какъ давало имъ возможность несѣщеннѣе располагать историческимъ матеріаломъ и подгонять его подъ апріорно выведенныя формулы. Что видѣлъ въ исторіи человѣчества, напр., знаменитый Гегель? Онъ видѣлъ въ ней прогрессъ въ сознаніи всемірного духа своей сущности, понимаемой въ смыслѣ свободы. Чтобы достигнуть полноты этого сознанія (долженствовавшей выразиться, будто

¹⁾ «Китайская исторія», говоритъ г. Веберъ (Курсъ всеобщей исторіи. Томъ I. 1869. Стр. 68), «безотраднѣе по содержанію: сухой, утомительный однообразіемъ переченъ внѣшнихъ событій, картина мятешей, династическихъ переворотъ и придворныхъ ужасовъ нисколько не возмущаются лоскѣй, ни мало не оживляются народнымъ элементомъ, не согрѣваются никакимъ интересомъ человѣческимъ».

²⁾ См. приложеніе № 2.

бы, въ развитіи германскаго духа), всемірному духу необходимо было, какъ думалъ Гегель, пройти три ступени (тезисъ, антитезисъ, синтезисъ). По этимъ тремъ ступенямъ Гегель расположилъ и исторію народовъ, раздѣливъ ее на три части (Востокъ, міръ греко-римскій, міръ христіанско-германскій) и заявивъ, что на Востокѣ духъ не сознаетъ своей свободы, въ классическомъ мірѣ сознаетъ ее только подъ извѣстными формами и достигаетъ полноты самосознанія только у германцевъ. Въ Китаѣ, по мнѣнію Гегеля, всемірный духъ спитъ, въ Индіи грезитъ и только въ Персіи начинаетъ пробуждаться. Помимо трихотоміи всемірной исторіи Гегель допускалъ и четвертое дѣленіе послѣдней, выставляя Востокъ младенчествомъ человечества, Грецію — юностью его, Римъ — зрѣлостью, германскій міръ — старостью. При обоихъ дѣленіяхъ Китай оказывается стоящимъ на самой низшей ступени самопознанія всемірнаго духа. А какъ смотрѣлъ на исторію человечества позитивистъ Контъ? Онъ видѣлъ въ ней выраженіе закона трехъ фазисовъ міросозерцанія (теологическаго, метафизическаго, позитивнаго) и дѣлилъ ее на три періода (фетишизмъ; политеизмъ, монотеизмъ). Фетишизмомъ, по мнѣнію Конта, характеризуется доисторическое время, а жизнь народовъ Востока окрашивается характеромъ политеизма. Такимъ образомъ, и по системѣ Конта Небесная имперія представляется стоящею на весьма низкой степени развитія. Но почему и Гегелю, и Конту не приходило на мысль, что Китай по своей цивилизаціи выше и по своей исторіи прогрессивнѣе, чѣмъ они думали? Потому что они слѣпо довѣряли синологамъ, прямо или косвенно показывавшимъ, что Китай есть царство застоя. А если бы дѣло обстояло иначе, т. е. если бы Китай обрисовывался государствомъ цивилизованнымъ, легко ли было бы тогда и Гегелю, и Конту подгонять историческій матеріалъ подъ апріорно выведенныя формулы? Пущенное въ ходъ нѣкоторыми синологами и какъ бы узаконенное системами нѣкоторыхъ философовъ положеніе, что Китай есть историческая окаменѣлость, распространилось постепенно по Европѣ, усвоилось какъ стереотипная уже формула людьми просвѣщенными, и даже такими, которые не причисляли себя къ лагерю поклонниковъ либо Гегеля, либо Конта, либо того и другаго одновременно. Вотъ почему о застой

Китай сообщается писателями самых различных направлений¹⁾. Распространявшаяся и утвердившаяся въ Европѣ мысль, что Китай есть царство косности, стала раздѣляться и повторяться авторами такъ называемыхъ всеобщихъ исторій, не желавшими, въ видахъ облегченія себѣ труда, проверять ея основательность²⁾.

Вотъ причины, по которымъ авторы такъ называемыхъ всеобщихъ исторій ничего или почти ничего не говорятъ о минувшихъ судьбахъ народа китайскаго. А пренебрежительнымъ невниманіемъ историковъ къ исторіи Китая обуславливается то, что знающаго ее едва-ли можно найти хотя одного даже въ сотѣ тысячъ образованныхъ людей.

Если мы рассмотримъ относительную важность трехъ указанныхъ причинъ, то увидимъ, что онѣ находятся въ зависимости и что вторая причина важнѣе первой, а третья—второй: Китай изучался бы авторами такъ называемыхъ всеобщихъ исторій, еслибы не стоялъ особнякомъ; стоящій особнякомъ, Китай изучался бы ими, если бы его исторія была интересна; его исторія была бы интересна, если бы она представлялась исторіею жизни, а не застоя. Убѣжденіе въ томъ, что Китай есть историческая окаменѣлость, является, въ концѣ-концовъ, основною причиною, по которой интеллигентное общество совершенно не интересуется ни прошлымъ, ни настоящимъ Небесной имперіи.

Но о чемъ же рѣчь? Китай есть царство застоя,—развѣ это неправда? развѣ такіе авторитетные синологи, какъ Legge или Sibot, не знали Китая, развѣ безосновательно говорили о косности народа китайскаго? На эти вопросы отвѣтимъ прежде всего, что на свѣтѣ не было и нѣтъ ученыхъ ни всезнающихъ, ни безошибочныхъ,—съ этимъ всякій согласится, кто дастъ себѣ трудъ вспомнить развитіе какой бы то ни было науки. Кромѣ того, авторитетъ каждаго ученаго всегда ограниченъ, ограниченъ именно предѣлами той науки, которою ученый занимается (астрономъ—не авторитетъ для филолога, и наоборотъ); подъ синологіею же (нынѣ понятіемъ весьма туманнымъ) должна разумѣться не одна какая-либо наука, а сово-

¹⁾ См. приложеній № 4.

²⁾ См. приложеній № 5.

купность многих наук. Нельзя при этом забывать, приговоры всякаго авторитетнаго синолога находятся въ сѣ частию отъ его уммышленной или неуммышленной присравно какъ отъ преслѣдуемыхъ имъ цѣлей, а первѣе всегроты или узости его кругозора, отъ глубины или поверсуждений. Наконецъ, мы заявляемъ читателямъ, что мисКитая не раскрыта всесторонне (съ примиреніемъ предстапротиворѣчій), не развита въ полнотѣ и не доказана сосновательностью ни однимъ изъ синологовъ. *Китай ялстоомъ застою*—это, собственно говоря, есть только афобобщеніе ряда афоризмовъ, соответствующихъ тѣмъ или другимъ (но далеко не всѣмъ) сторонамъ жизни китайцевъ.

Въ виду нами сказаннаго, вопросъ о прогрессивности жизни китайскаго народа долженъ считаться вопросомъ открытымъ, и положение, что *Китай есть неинтересное царство косности*, можетъ быть подвергнуто коренному пересмотру и многосторонней критикѣ.

ГЛАВА II.

„Значеніе китайцевъ во всемірной исторіи“, говоритъ Шюссеръ, „важно въ особенностяхъ потому, что, со временъ отдаленнѣйшей древности и до нашихъ дней, ихъ цивилизація сохранила почти одинъ и тотъ же характеръ. Они представляютъ намъ образецъ народа, который, не смотря на раннюю и довольно высокую цивилизацію, остановился на извѣстной степени умственнаго развитія“¹⁾. Допустимъ, что слова Шюссера справедливы; что китайцы дѣйствительно представляютъ собою народъ, достигшій довольно высокой степени цивилизаціи, но въ отдаленнѣйшія времена остановившійся въ своемъ развитіи; что Китай, слѣдовательно, есть историческая окаменѣлость. Какъ же исторической наукѣ должно относиться къ Китаю, которому приписываются атрибуты высоты цивилизаціи и окаменѣлости?

¹⁾ Всемірная исторія. Изд. второе. 1867. Томъ I. Стр. 5.

T PERFORATION.

library books in them by filling out for each physical volume. After filling the book so that "Please Charge" shows the direction in a study). An attendant will per half to validate it, leaving the end marked

for the use of another reader, but a record of the date, special notices may require recharging of all books in a book, invert the card so that "Return to Shelf" shows. ers, do not use these cards, but instead leave a signed and

RE TO BE MACHINE PROCESSED.
KEEP THEM IN GOOD CONDITION.

Вамъ, читатель, конечно, знакома въ большомъ или меньшемъ объемѣ исторія Египта, Ассири-Вавилонія, Мидія, — исторія этихъ государствъ изучаютъ въ младшихъ классахъ всѣхъ среднихъ школъ. Вамъ извѣстны дѣянія и Сесостриса, и Псамметиха, и Нехао, и Нина, и Сардананапа, и Навуходоносора, и Фраорта, и Ціаксара, и Астиага. Почему же исторія названныхъ государствъ достойна изученія? Потому что египтяне, ассири-вавилоняне и мидяне были народами, достигшими довольно высокой степени цивилизаціи. Если бы эти народы не достигли такой степени цивилизаціи, то, во-первыхъ, имъ нечѣмъ было бы вліять на другія государства (первѣе всего на Финикію), вліянія, въ свою очередь, на развитіе народовъ Европы (первѣе всего на грековъ); во-вторыхъ, они могли бы привлечь къ себѣ вниманіе только антропологовъ и этнографовъ, но ничуть не историковъ. Исторія Египта, Ассири-Вавилонія, Мидія важна какъ потому, что ею обуславливались начала цивилизаціи другихъ историческихъ народовъ (персовъ, финикіянъ, грековъ и др.), такъ и потому, что она представляетъ собою именно исторію, т. е. картину развивающейся, прогрессирующей жизни, а не картину только быта. Вторая причина имѣетъ важность сама по себѣ, особенно въ настоящее время, когда начинается съ такимъ усердіемъ разрабатываться социальная наука, въ широкомъ смыслѣ понимаемая. Предположимъ, что Египетъ не оказывалъ культурнаго вліянія на Финикію и Грецію, — и въ такомъ случаѣ онъ достоинъ изученія: для установки прочныхъ законовъ социальной науки, интересно знать, какъ зарождалась и развивалась его государственность, какую эволюцію имѣла его внутренняя жизнь въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Почему же исторія Египта должна изучаться, а исторія Китая не должна? Быть можетъ, потому, что цивилизація китайцевъ неизмѣримо ниже, чѣмъ индійцевъ? Неужели это такъ? Но допустимъ, что ниже. А цивилизація индійская неужели выше китайской? Во всякомъ ужь случаѣ не выше, а между тѣмъ исторія индійцевъ изучается, а китайцевъ — нѣтъ. Если китайцы, по словамъ самого Шлоссера, достигли довольно высокой цивилизаціи, то исторію Китая слѣдуетъ изучать по крайней мѣрѣ съ такою долей усердія и тщанія, которая была бы среднею пропорціональною между долями того и другаго, потребными для изученія исторій Египта и

Мидіи. Но, вѣдь, Китай представляет громадную въ мірѣ имперію; вѣдь, въ немъ около 400 милліоновъ народу; вѣдь, онъ существуетъ на свѣтѣ по крайней мѣрѣ 3.000 лѣтъ. Неужели при всемъ этомъ историки не находятъ нужнымъ увеличить на сколько-нибудь указанную выше минимальную долю усердія и тщательности? Не находятъ,— и они неправы. Увеличить долю слѣдуетъ, и не насколько-нибудь, а на очень много. Довольно высоко цивилизованный Китай долженъ быть изучаемъ съ большою ревностью, нежели Египетъ, Ассири-Вавилонія, Мидія.

При важности изученія довольно высоко цивилизованнаго Китая, не нужно забывать и тѣхъ удобствъ, которыми оно обставляется,— вѣдь, по словамъ Шлоссера, китайская цивилизація со временъ отдаленнѣйшей древности и до нашихъ дней сохранила почти одинъ и тотъ же характеръ; вѣдь, Китай, слѣдовательно, есть историческая окаменѣлость. Съ какими трудностями сопрягалось и сопрягается изученіе исторіи Египта и Ассири-Вавилоніи! Представить панораму жизни народа, давно умершаго, весьма не легко, когда приходится откапывать историческія свидѣтельства этой жизни въ волнахъ песка или въ грудѣ мусора; когда приходится наталкиваться на трудности (нерѣдко непреодолимныя) іероглифической или клинообразной письменности, запечатлѣвшей звуки умершихъ языковъ; когда приходится выяснять условія и формы быта, далеко не сходнаго съ нашимъ теперешнимъ бытомъ. Если бы Ассири-Вавилонія, достигшая апогея своей цивилизаціи, показалась нынѣ (ну хоть по наовненію волшебнаго жезла) предъ глазами европейцевъ, какою всѣмъ понятною радостью объяти были бы историки древняго Востока! съ какою судорожною поспѣшностью переходили бы отъ одного предмета къ другому, боясь, что видѣніе вотъ-вотъ исчезнетъ! сколько бы явилось новыхъ лицъ, желающихъ изучать жизнь тѣхъ древнихъ народовъ, которые обитали на берегахъ Тигра и Евфрата! Представимъ себѣ, что древніе китайцы, достигнувъ довольно высокой степени цивилизаціи, подверглись такой же участи, какъ и ассири-вавилоняне; что на мѣстѣ Пекина, Тяньцзиня, Кай-фынь-фу, Фу-чжоу-фу и Кантона кучи мусора и жалкія деревушки. Какого труда стоило бы европейскимъ ученымъ возстановить картину жизни древняго китайскаго